

О. В. АУРОВ

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ФУЭРО ЛЕОНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1980-х гг.

Автор рассматривает проблемы русского перевода одного из важнейших памятников средневекового испанского законодательства – фуэро Леона (1017–1020) в связи с социально-политическим и культурным контекстом развития советской медиевистики в 1980-е гг. Исследуются причины обращения к памятнику, выбор текстологической основы перевода, особенности русского текста и структура комментария к нему. Особое внимание уделено понятийной системе как следствию историографических представлений, доминировавших в отечественной науке указанного периода.

Ключевые слова: фуэро Леона, средневековая Испания, реконкиста, советская медиевистика, А.Р. Корсунский, В.К. Пискорский, О.И. Варьяш, С.Д. Червонов

В 2017 г. исполнилось 1000 лет с момента издания одного из наиболее значимых памятников истории испанского права – т.н. фуэро¹ Леона (1017–1020). Провозглашенное королем Леона Альфонсо V (999–1028) в присутствии королевы Эльвиры (Geloira), а также светской и духовной знати на церковном соборе в столице пиренейского королевства, фуэро положило начало истории средневекового права в королевстве, основу законодательства которого ранее составляли правовые кодексы позднеримского (Бревиарий Алариха) и вестготского (Liber Iudiciorum) времени. Обладающее чертами как свода местных правовых обычаев, так и городской хартии, фуэро Леона является одним из наиболее древних памятников такого рода в истории средневекового Запада, и его историческое значение уже давно получило высокую оценку в мировой историографии², включая, разумеется, испанскую³. В связи с этим весьма значимым представляется тот факт,

---

¹ О понятии «фуэро» см., например: García Gallo 1956. P. 387 – 446.

² Mittelmaier 1847; Mayer 1925; Powers J.F. 1987. P. 53-80.

³ Первое издание памятника, по данным Л. Васкеса де Парга (Vázquez de Parga 1944. P. 468-469), было осуществлено еще в 1601 г. в знаменитых «Церковных анналах» кардинала Чезаре Баронио (Цезаря Барония) (1538–1607). Первое исследование рукописной традиции памятника принадлежит испанскому эрудиту иезуиту Андресу Маркосу Буррьелю (1719–1762) и датируется 1751 г. Но еще на рубеже XVI–XVII вв. (латинское издание – 1592 г., первые испанские издания – 1601, 1608, 1616, 1623 гг.) на значение законодательных реформ Альфонсо V как реформатора «готских законов» обратил внимание выдающийся испанский эрудит Х. де Мариана (Mariana 1855. P. 257), опиравшийся на данные средневековых хронистов. В дальнейшем на роль законодательной деятельности Альфонсо V в истории испанского права обращали внимание историки XVIII–XIX вв.: Asso, Manuel 1771. P. VIII-IX; España Sagrada. 1786; Martínez Marina 1808. P. 29-30; Sempere 1822. P. 230-238).

что этот памятник средневекового права не только неплохо исследован в отечественной науке, но и переведен на русский язык.

Русский комментированный перевод памятника, обстоятельства его создания, специфика текста и комментария, а также связанный с ними более широкий научный и историко-культурный контекст обусловлены не только огромной исторической и историко-правовой значимостью памятника, но и рядом особенностей советской медиевистики 1980-х гг. Ниже, помимо характеристики общих обстоятельств издания комментированного перевода, я попытаюсь рассмотреть три основные группы факторов, связанные с этим феноменом.

Первая из них касается *причин обращения к памятнику*, которые отнюдь не очевидны, если учесть тот факт, что русский перевод является единственным из существующих: по меньшей мере, никакие иные его переводы на современные языки мне неизвестны. Среди прочего, ответ на этот вопрос невозможен без учета фигур *авторов перевода* – советских медиевистов Ольги Игоревны Варьяш (1946–2003) и Сергея Дмитриевича Червонова (1955–1988), их научных интересов и принципов, обусловивших их обращение к Фуэро Леона⁴.

Вторая группа факторов касается версии текста памятника, избранной в качестве *текстологической основы* для перевода. Помимо хорошо исследованной рукописной традиции (включая текстологические различия между сохранившимися версиями)⁵, значимость этого аспекта истории «русского фуэро Леона» обусловлена наличием в мировой историографии к 1980-м гг., по меньшей мере, восьми изданий и переизданий памятника, не считая эрудитских изданий, появившихся до середины XVII в.⁶, что уже само по себе ставит проблему тех критериев,

---

⁴ О научном наследии О.И. Варьяш и С.Д. Червонова см., напр.: Memorialia 2004; Уваров 2015. С. 62-79; Аулов 2005. С. 5-18.

⁵ О рукописной традиции памятника см.: Vázquez de Parga 1944. P. 475-478. Он идентифицирует 15 рукописей, в разное время использовавшихся издателями, и указывает местоположение для 14-ти. В качестве главных выделяются рукописи из библиотек Овьедского (первая треть XII в.) и Бракарского (г. Брага (Португалия)) (первая половина XIII в.) соборов. В обоих случаях речь идет о картуляриях – “Liber Testamentorum” (Овьедо) и “Liber Fidei” (Брага). Факсимильное издание по первой из этих рукописных версий представлено в издании Р. Переса-Бустаманте (1983), уточнившего дату создания манускрипта (1116–1129 гг.) (El Fuero de León 1983. P. 18-23).

⁶ По данным Л. Васкеса-де-Парга, до середины XVIII в. текст издавался не менее трех раз – в 1601, 1606 и 1694 гг. в составе канонів Леонского собора 1020 г. (Vázquez de Parga 1944. P. 468-469). Начиная с указанного периода можно выделить следующие основные издания: (1) Concilium legionense 1786. P. 340-347 (это издание, предпринятое эрудитом М. Риско, по данным Л. Васкеса-де-Парга, дважды переиздано – в 1792 и 1796 гг.); (2) Concilium legionense 1847. P. 60-72; (3) Concilium Legionense 1861. P. 1-11; (4) Constans 1920. P. 165-199, 575-606; (5) Sánchez Albornoz 1922. P. 317-323 (переиздано в 1970 г.; см. ниже); (6) Forum Legionense 1936. S. S. 2-20; (7) Vázquez de Parga 1944. P. 464-498; (8) El Fuero de León / El Fuero de León 1983.

которыми руководствовались два молодых советских медиевиста, избирая подходящий текст для реализации своего проекта.

Наконец, третья, – далеко не последняя по значению, – группа факторов связана с особенностями языка и понятийной системы перевода, а также структуры и содержания комментария к нему, включая смысловые акценты, обусловленные как собственными научными интересами авторов, так и общими трендами, определявшими состояние советской медиевистики (в т.ч. – испанистики) середины 1980-х гг.

Причины обращения к тексту фуэро Леона

В 1985 г. Институт всеобщей истории АН СССР выпустил в свет сборник исследований по средневековой истории стран Пиренейского полуострова, в числе которых находился и русский перевод фуэро Леона, подготовленный О.И. Варьяш и С.Д. Червоновым⁷. Характерное название сборника («Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова в эпоху феодализма») подчеркивало хронологическую⁸ и содержательную связь опубликованных материалов с феодализмом как «социально-экономической формацией», что вполне соответствовало общей парадигме развития советской медиевистики. Вместе с тем, уже на уровне заглавия сборника явно ощущались и новые веяния. В противоположность устоявшейся традиции, подчеркивалось, что книга посвящена не «социально-экономической», а «социально-политической» проблематике. Реальное же содержание сборника, основу которого составили работы медиевистов молодого и среднего поколения (О.И. Варьяш, С.Д. Червонов, А.П. Черных, Н.И. Басовская, В.А. Ведюшкин, В.И. Уколова, В.П. Буданова и др.), было еще более широким, и, наряду со статьями по социальной и политической истории, включало также работы по истории культуры.

В случае перевода Фуэро Леона интерес к этому памятнику раннесредневекового права, в определенной степени, был обусловлен фактом восстановления дипломатических и культурных связей между СССР и Испанией (1977)⁹. Одним из его следствий стало восстановление отношений в области науки и культуры (1979), сделавшее, в свою очередь, возможным подписание в сентябре 1980 г. договора о сотрудничестве между Институтом всеобщей истории АН СССР и Институтом истории «Херонимо Сурита» Высшего совета научных исследований (испанский аналог АН СССР). От этого документа берет начало традиция советско-испанских коллоквиумов историков, которые про-

---

⁷ Варьяш, Червонов 1985. С. 170-181.

⁸ Именно поэтому верхняя хронологическая граница процессов, исследуемых в сборнике, определяется XVI–XVII вв., в соответствии с датировкой конца «феодальной формации» в советской науке.

⁹ Волосюк 2012. С. 87-113.

водились регулярно, начиная с 1981 г., и в них, наряду с маститыми медиевистами, участвовали будущие переводчики фуэро Леона.

Но более важен был факт складывания в 1960–1970-е гг. советской школы изучения истории средневековой Испании, основоположником которой был А.Р. Корсунский (1914–1980). Ученик Н.П. Грацианского (в свою очередь, учившегося у первого русского испаниста В.К. Пискорского (1869–1910)) и отчасти А.И. Неусыхина, не подвергая сомнению значимость их научного наследия, вместе с тем, вышел за рамки традиции исследования правовых памятников исключительно как источников по социально-экономической истории. Для его учеников, к числу которых принадлежали и будущие авторы русского перевода фуэро Леона, интерес к правовым памятникам – пусть и воспринимаемым в марксистской манере, – был уже вполне естественным.

Имея широкие научные интересы, О.И. Варьяш постепенно перешла от занятий аграрной историей раннесредневековых Кастилии и Леона к изучению средневекового португальского права, прежде всего – форалов, местного аналога кастильских и леонских фуэро и подошла к изучению знаменитого Фуэро Леона. Как свидетельствуют ее собственные записи, посвященный ему специальный раздел (параграф?) она собиралась включить в свою монографию по истории средневекового португальского права, над которой работала до конца жизни¹⁰.

Отнюдь не случайным стало обращение к фуэро Леона и С.Д. Червонова. В 1982 г. он блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Города Центральной Испании в XII–XIII веках (по данным фуэрос)»¹¹, над ней которой работал с 1978 г. С этого времени ученый сосредоточился на исследовании памятников средневекового кастильского и леонского права. Обращение его к фуэро Леона выглядело логичным, тем более с учетом влияния памятника на содержание ряда португальских форалов, интерес к которым С.Д. Червонов проявил приблизительно с 1984 г.

Оба соавтора придавали своей работе большое значение. Во всяком случае, это был единственный перевод памятника такого рода, предлагавшийся студентам в просеминарии по истории Средних веков, который С.Д. Червонов до самой смерти вел на втором курсе Исторического факультета МГУ. В 1987–1988 учебном году в этом просеминаре занимался и автор настоящей статьи; я прекрасно помню, какое значительное внимание руководитель семинара уделял фуэро Леона как историческому источнику и важнейшему правовому памятнику.

Факт сотрудничества, обусловленный возникновением общих интересов к фуэро Леона и дополненный тесными дружескими и профессиональными связями, представляется вполне естественным.

---

¹⁰ Варьяш 2006. С. 7.

¹¹ См.: Червонов 2005. С. 216–242.

Текстологическая основа перевода

Почти полностью оторванная от западной науки, советская медиовистика (за незначительными, пусть и блестящими исключениями), среди прочего, лишилась и доступа к западным архивным собраниям. В случае работы О.И. Варьяш и С.Д. Червонова над переводом фуэро Леона эта ситуация выглядит особенно драматично, поскольку оба ученых последовательно готовили себя к архивным исследованиям, свидетельством чему являются их – пусть и единичные – публикации, основанные на архивных материалах¹². Однако оба исследователя не располагали возможностью работы не только с рукописями памятника, но и с факсимильным воспроизведением главной из них (из архива Овьедского собора), представленным в издании Р. Переса Бустаманте¹³, которое ко времени работы над переводом (1983 или начало 1984 г.) просто не успело попасть в библиотеки СССР. Поэтому приходилось выбирать из оставшихся семи изданий (еще три издания, появившиеся до второй половины XVIII в. и представлявшие собой библиографическую редкость, в советских библиотеках могли обнаружиться лишь чудом); но они к середине 1980-х гг. являлись либо непоправимо устаревшими, либо... просто отсутствовали в советских библиотеках.

В итоге, ученые остановились на тексте фуэро Леона в сборнике «Древнеиспанское готское право»¹⁴, вышедшем (как т. 12 серии «Германское право: тексты и переводы») в нацистской Германии в 1936 г. и подготовленным историком права Ойгеном Антоном Вольхауптером (1900–1946), чье имя известно ныне лишь узким специалистам (и чье издание, кстати сказать, так и осталось неизвестным испанским коллегам). Если учесть, что в 1920–1940-е гг. советские библиотеки почти не приобретали зарубежной литературы по гуманитарным наукам, наличие издания Вольхауптера в Москве кажется почти чудом. Однако дело в том, что в период с 6 мая 1945 по 1 ноября 1946 г. директор библиотеки – ныне известной как Библиотека иностранной литературы, – Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990) находилась в командировке в Германии и активно занималась отбором книг в рамках мероприятий по реституции в качестве уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР. Трудami ее и ее сотрудников в 1945–1946 гг. в СССР было вывезено около 2 млн. томов, часть которых оказалась и в фондах ГЦБИЛ (будущей ВГБИЛ)¹⁵. В их числе было и издание Вольхауптера.

¹² Варьяш 1987. С. 222-229; Червонов 1983. С. 335-343.

¹³ El Fuero de León 1983.

¹⁴ Forum Legionense 1936. S. 2-20.

¹⁵ Рудомино 2005. Оценивая этот аспект реституции следует учесть, что потери книжного фонда библиотек СССР в годы войны превысили 100 млн. томов.

По всей видимости, внимание на него в фондах библиотеки обратил С.Д. Червонов, со студенческих лет активно пользовавшийся этим книжным собранием. Свободно читавший и говоривший по-немецки, он вероятно, обратил внимание не только на сам латинский текст, но и на наличие немецкого перевода, который можно было использовать в процессе работы. Главной причиной, однако, являлась относительная новизна немецкой публикации, по сравнению с другими доступными версиями текста фуэро, изданными в XVIII–XIX вв. Во всяком случае, именно текст по веймарскому изданию 1936 года указан в советской публикации 1985 г. в качестве основного¹⁶.

В той же библиотеке, обладавшей до начала 1990-х гг. едва ли не наиболее полным собранием испаноязычной литературы в СССР (начало ему было положено в 1937 г., когда ГЦБИЛ получила ок. 1000 томов книг в качестве дара испанского народа¹⁷), обнаружилось и еще одно издание текста. Речь идет о переиздании публикации, осуществленной К. Санчесом-Альборносом в 1922 г., в сборнике, опубликованном в 1970 г. в Сантьяго-де-Чили¹⁸. Его использование позволило составить представление о латинском тексте не только основной (овьедской) версии, но и более раннего текста, сохранившегося в бракарском картулярии (редакция А). Авторы перевода и комментария обращались к этой редакции «в примечаниях для уточнения и дополнения некоторых статей окончательной редакции»¹⁹.

Особенности перевода и комментария

В работе над переводом, О.И. Варьяш и С.Д. Червонов исходили из принципов, усвоенных ими под руководством А.Р. Корсунского, который, в свою очередь воспринял их от Н.П. Грацианского²⁰. Перевод фуэро Леона представлен с небольшими сокращениями, объяснявшимися, вероятно, соображениями объема²¹. Он выполнен на высоком научном уровне и характеризуется корректным использованием лингвистических средств русского языка для передачи содержания латинского текста. Его стилистика отличается простотой и элегантностью: переводчики не стремятся к нарочитой архаизации стиля и лексики; они ориентируются на нормы современного русского языка (стиль, синтаксис, лексика), стремясь добиться максимальной ясности содержания.

---

¹⁶ Варьяш, Червонов 1985. С. 170.

¹⁷ Рудомино 2005.

¹⁸ Sánchez Albornoz С. 1970. P. 309-313.

¹⁹ Варьяш, Червонов 1985. С. 170.

²⁰ Яркий пример переводческой манеры Н.П. Грацианского – подготовленный им перевод «Салической правды». Салическая правда 1950.

²¹ Выпущен перечень топонимов, обозначающих границы юрисдикции судебных властей г. Леона от слов “*infra subscriptos términos*” вплоть до “*propter contentiones quas habuerunt...*” (Fuero de León (далее – FL). 28).

При этом несложно отметить и нормы, которые современные переводчики считают избыточными. Так, переводчики активно используют квадратные скобки для введения слов, отсутствующих в латинском тексте, но предполагаемых содержанием соответствующей фразы. Например, латинский фрагмент "...nullus contineat seu contendat episcopis abates suarum diocesseon..." (Fuero de León (FL). 3) переводчики передают следующим образом: «...чтобы никто не отнимал и не оспаривал [верховенства] епископов над аббатами... их диоцезов...»²²; при несомненной адекватности предложенного перевода, представляется, что в данном случае квадратные скобки вполне могут быть опущены, так как место в принципе не предполагает иных толкований. Еще один подобный пример – перевод латинского фрагмента "...sacrilegium solvat" (FR.4), передаваемого как «...пусть платит [штраф за] святотатство»; квадратные скобки здесь также могут быть опущены без всякого ущерба для смысла; думается, можно опустить и слово «штраф». Однако во всех подобных случаях переводчики лишь следуют принципам Н.П. Грацианского, которые в тот период не подлежали оспариванию (с той лишь разницей, что сам он использовал в аналогичных случаях круглые скобки)²³.

При необходимости, понятия, предполагающие двойное (или даже тройное) толкование дублируются в скобках на языке оригинала. При ближайшем рассмотрении оказывается, что примеры следования этой норме присутствуют едва ли не в каждом параграфе: «собораниях» (concilia) (FL.1), «грамоты» (testamentum) (FL.2), «честными людьми» (veridici homines) (FL.2), (cultores ecclesiae) (FL.2), «разбой» (rapina) (FL.4), «штраф» (calumnia) (FL.4), «убийство» (homicidium) (FL.5) и др. С каждым случаем такого рода следует разбираться особо; в одних местах такого рода дублирование является оправданным, в других – избыточным. Так, при всем многообразии значения слова "concilium", в FL.1 его контекст делает содержание понятия настолько ясным, что не требует пояснения; с другой стороны, в FL.45 использование в латинском тексте того же слова никак не комментируется, тогда как в данном случае его значение весьма специфично – речь идет о пиренейском институте консехо – средневековой территориальной общины. Можно привести и некоторые другие примеры подобного рода.

В некоторых случаях содержание латинских слов передается транскрипцией соответствующего понятия либо в средневековом, либо в современном испанском (кастильском) языке. Помимо приведенного примера со словом "concilium" (консехо), в тексте перевода можно найти и другие – "junior" (хуньор (категория зависимых крестьян)), а также "miles" (кабальеро). В первом случае правомерность подобного

²² Варьяш, Червонов 1985. С. 172.

²³ Салическая правда 1950. С. 65, 66, 67 и др.

перевода не вызывает сомнений, поскольку сколь-нибудь адекватный аналог латинского слова в русском языке (включая научную терминологию) отсутствует. В последнем же случае такой перевод кажется недостаточно правомерным; ясно, однако, что переводчики ориентировались на испанскую историографию «народного рыцарства» (исп. *caballería popular*), противопоставлявшую бюргерскую конницу «настоящему» рыцарству (т.е. феодальной аристократии)²⁴.

Показательны для того времени (и, соответственно, интересны для современного читателя) те места текста перевода, в которых последовательно отражено влияние марксистской методологии. Следует отметить, что в тот период О.И. Варьяш и С.Д. Червонов являлись убежденными марксистами (что вовсе не исключало критических оценок ими советской действительности; часто все было совсем наоборот). Червонов, в свое время искренне уверявший автора этих строк, что история средневековой Испании дает наиболее адекватные примеры эффективности марксистской историософии, был не только членом КПСС, но и членом парткома Исторического факультета МГУ, что для молодого преподавателя было скорее исключением, чем правилом. Что касается О.И. Варьяш, то она, как вспоминает, П.Ю. Уваров, «не без легкого фрондерства иногда именовала себя “энгельсистой”»²⁵.

Подобный образ мышления в среде советских гуманитариев середины 1980-х являлся почти абсолютным правилом. Было бы большим преувеличением утверждать, что наиболее продвинутые из них (в т.ч. из числа историков) «уже тогда» понимали ущербность марксистской методологии. Конечно, думающие люди той эпохи (и отнюдь не только специалисты-обществоведы) осознавали растущую пропасть между реальной жизнью и официальной идеологией. Однако причину этого видели либо в самой жизни, неспособной подняться до уровня «сияющих высот» «единственно верного учения», либо (что встречалось гораздо чаще) в извращении сути последнего. Отсюда – обостренные поиски истины, не выходящие за пределы марксистского мышления: от позднесоветского и сталинского официоза – к Ленину, от Ленина – к Марксу, от «зрелого Маркса» к «Марксу молодому», или же от него к Энгельсу, или же от Ленина – к А. Грамши, Мих. Лифшицу или Г. Лукашу.

Представляется, что русский перевод фуэро Леона содержит некоторые показательные примеры, отражающие общую тенденцию. Прежде всего, речь идет о передаче слова “servus” («серв») и “ancilla” («из челяди короля»), вместо представляющихся сейчас очевидными вариантами «раб» и «рабыня». Причину подобного словоупотребления следует искать в господствующем и в советской науке середины 1980-х гг.

²⁴ См., например, об этом: Pescador 1961-1964.

²⁵ Уваров 2015. С. 64.

представлении о рабстве как принадлежности исключительно «рабо-владельческой формации», в уверенности в определяющей значимости «феодальной перестройки отношений рабства, кабалы и несвободы, унаследованных от поздней античности и варварского уклада»²⁶, которая не оставляла места для традиционного рабства.

Показателен и перевод латинского “*haereditas*” (в данном случае – «наследственное земельное владение») сразу целым рядом слов и выражений: «земельный участок» (FL.7, 13, 24), «надел» (FL.10, 11, 12), «поместье» (FL.10), «земля» (FL.15). Такое многообразие определялось не только различиями конкретных контекстов в памятнике, но и наличием явных проблем встраивания этого типа земельного владения в марксистские представления о средневековом землевладении в том их виде, который сохранялся до конца истории советской медиэвистики.

Как известно, А.И. Неусыхин, исходя из представлений основоположников марксизма (в первую очередь – Ф. Энгельса), уделял особое внимание эволюции форм землевладения, изначально связанных с крестьянской общиной²⁷, противопоставляя аллод как форму свободного крестьянского владения (соответствующую т.н. «соседской общине») и вотчину, крупное земельное владение – атрибут господствующего класса. Однако в случае “*hereditas*” основная проблема состояла в том, что, будучи, по существу, свободно отчуждаемым земельным владением, эта форма, с одной стороны, выступала как мелкое или среднее владение крестьянского типа, в определенной степени связанная с институтом крестьянской общины, а с другой – в некоторых случаях проявляла себя как вотчина, т.е. как атрибут господствующего класса. Именно поэтому ни О.И. Варьяш, ни С.Д. Червонов не решились уверенно квалифицировать “*hereditas*” как форму аллодиального владения, хотя последний и не отрицал наличия черт сходства с последней²⁸.

Наконец, явным проявлением свойственного марксистам акцента на социально-экономическом в противовес формально-юридическому является перевод начала параграфа FL.29 (“*Omnes habitantes intra muros et extra praeditae urbis semper habeant et teneant unum **forum**...*”): «Пусть у всех, кто живет внутри и снаружи стен города, будет один **рынок**» (выделено мной – О.А.). Очевидно, однако, что в данном случае речь явно идет не о рынке (“*mercatum*”; см.: FL.32), а о едином правовом режиме для всех горожан, т.е. о фуэро; да и сами переводчики в другом случае (FL.39) дают вполне адекватный перевод латинского “*forum*” (“*qui vinarius non fuerit per forum*” – «кто не является виноделом по фуэро»).

---

²⁶ См., напр.: Удальцова, Бессмертный, Гуревич. 1985. С. 557.

²⁷ Неусыхин 1985. С. 137-176; Корсунский 1985. С. 185-198; Удальцова, Бессмертный, Гуревич 1985. С. 559.

²⁸ Червонов 2005. С. 270-275.

Что касается комментария, то он состоит из краткой вступительной статьи, примечаний, помещенных после текста перевода, и одного подстраничного примечания²⁹, содержащего альтернативный вариант трактовки одного места в тексте Фуэро. Такая структура характерна для изданий переводов источников, сформировавшейся в школе Н.П. Грацианского (в частности, в упомянутом выше переводе текста «Салической правды», изданном в 1950 г.); правда, в приведенном примере представлены тексты не только перевода, но и оригинала, тогда как в нашем случае последний явно опущен из соображений объема. Опосредованно эта модель издания текстов воспроизводит (в кратком варианте) принципы серии «*Monumenta Germaniae Historica*».

Во вступительной статье сообщаются общие данные об источнике и обстоятельствах его издания, существующих текстологических версиях, публикациях, положенных в основу перевода, а также дается перечень основной литературы, использованной для составления комментария, с явным акцентом на труды К. Санчеса-Альборноса и его ученика Луиса Гарсия де Вальдеавельяно (1904–1985), широко представленные в перечисленных выше советских библиотеках.

В постраничных примечаниях содержатся замечания терминологического характера (FL. preamb., 2, 4, 5, 9, 14, 18, 23, 25, 26, 28, 43), указания на различия текстов бракарской (ред. А) и овьедской версий памятника (FL. preamb., 8, 11), авторские трактовки трудных для перевода фрагментов (FL. 9, 24), компаративный анализ (FL. 9, 39) и возможные грамматически корректные варианты конкретных фрагментов (FL. 20). При этом, авторы комментария делают акцент на объяснении явлений не только (и не столько) социально-экономического, сколько историко-правового характера, что следует также признать характерным для школы В.К. Пискорского – Н.П. Грацианского.

Осуществленный более 30 лет назад, русский перевод Фуэро Леона отразил как сильные, так и слабые стороны советской медиевистики образца 1980-х гг. К первым следует отнести глубокий интерес к исследуемому материалу, широкую эрудицию, а главное – высокую лингвистическую культуру, позволившую корректно передать основное содержание латинского текста. Ко вторым – издержки отрицания «формально-правового подхода», восприятие в качестве второстепенных некоторых реалий, которые в советской медиевистике было принято относить к числу «надстроечных». Тем не менее, в целом, несмотря на определенные недостатки, русский перевод Фуэро Леона стал значимым явлением в истории не только отечественной, но и мировой медиевистики и до сих пор сохраняет научное значение.

---

²⁹ Варьяш, Червонов 1985. С. 174.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аулов О.В. Сергей Дмитриевич Червонов и его труды по истории испанского средневекового города // Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М.: б.и., 2005. С. 5–18. [Aulov O.V. Sergej Dmitrievich Chervonov i ego trudy po istorii ispanского srednevekovogo goroda // Chervonov S.D. Ispanskij srednevekovyj gorod. Moscow, 2005. S. 5–18]
- Варьяш О.И. Королевская власть и ордена в Испании XVI в. (по документам ЛОИИ АН СССР) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 222–229. [Variaš O.I. Korolevskaya vlast' i ordena v Ispanii XVI v. (po dokumentam LOII AN SSSR) // Rossiya i Ispaniya: istoricheskaya retrospektiva. Moscow, 1987. P. 222–229]
- Варьяш О.И. Пиренейские тетради. Право, общество, власть и человек в Средние века. М.: Наука, 2006. 451 с. [Variaš O.I. Pirenejskie tetradj. Pravo, obshchestvo, vlast' i chelovek v Srednie veka. Moscow: Nauka, 2006. 451 p.]
- Варьяш О.И., Червонов С.Д. Фуэро Леона // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М.: ИВИ АН СССР, 1985. С. 170–181. [Variaš O.I., Chervonov S.D. Fuero Leona // Social'no-politicheskoe razvitie stran Pirenejskogo poluostrova pri feodalizme. Moscow: [IVI AN SSSR], 1985. P. 170–181]
- Волосюк О.В. Научные связи российских и испанских историков: 30 лет сотрудничества (1981–2011) // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2012. Вып. № 1. С. 87–113. [Volosjuk O.V. Nauchnye svyazi rossijskih i ispanskih istorikov: 30 let sotrudnichestva (1981–2011) // Vestnik RUDN. Ser.: Vseobshchaya istoriya. 2012. Vyp. № 1. P. 87–113]
- Корсунский А.Р. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // История крестьянства в Западной Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. М.: Наука, 1985. С. 178–215. [Korsunskij A.R. Stanovlenie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva v YUgo-Zapadnoj Evrope v V – X vv. // Istorija krest'yanstva v Zapadnoj Evrope. Epoha feodalizma. T. 1. - Moscow: Nauka, 1985. P. 178–215]
- Неусыхин А.И. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М.: Наука, 1985. С. 137–176. [Neusyhin A.I. Evolyuciya obshchestvennogo stroya varvarov ot rannih form obshchiny k vzniknoveniyu individual'nogo hozyajstva // Istorija krest'yanstva v Evrope. Epoha feodalizma. T. 1: Formirovanie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva. Moscow: Nauka, 1985. P. 137–176]
- Неусыхин А.И., Данилов А.И. Н.П. Грацианский как ученый-медиевист // Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–48. [Neusyhin A.I., Danilov A.I. N.P. Gracianskij kak uchenyj-medievist // Gracianskij N.P. Iz social'no-ehkonomicheskoj istorii zapadnoevropejskogo Srednevekov'ya. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960. P. 3–48]
- Рудомино М.И. Книги моей судьбы. Воспоминания ровесницы XX века. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 512 с. [Rudomino M.I. Knigi moej sud'by. Vospominaniya rovesnicy HKH veka. MOSCOW: Progress-Pleyada, 2005. – 512 p.]
- Салическая Правда. Русский перевод Lex Salica Н.П. Грацианского и Н.П. Муравьева. С введением Н.П. Грацианского. Казань: Тип. Императорского университета, 1913. 56 с. [Salicheskaya Pravda. Russkij perevod Lex Salica N.P. Gracianskogo i N.P. Murav'eva. S vvedeniem N.P. Gracianskogo. Kazan: Tip. Imperatorskogo universiteta, 1913. 56 p.]
- Уваров П.Ю. Пунктир ненаписанной книги // Уваров П.Ю. Между «ужами» и «лисями». М.: НЛЮ, 2015. С. 62–79. [Uvarov P.Yu. Punktir nenapisannoj knigi // Uvarov P.Yu. Mezhdju «uzhami» i «lisiami». Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. P. 62–79]
- Удалцова З.В., Бессмертный Ю.Л., Гуревич А.Я. Некоторые итоги изучения генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М.: Наука, 1985. С. 555–561. [Udal'cova Z.V., Bessmertnyj YU.L., Gurevich A.YA. Nekotorye itogi izucheniya genezisa feodal'no-zavisimogo krest'yanstva v Evrope // Istorija krest'yanstva v Evrope. Epoha feodalizma. T. 1: Formirovanie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva. Moscow: Nauka, 1985. P. 555–561]

- Червонов С.Д. Две неизвестные редакции кастильско-генузского договора 1146 г. из ленинградских собраний // Средние века. 1983. Вып. 46. С. 335–343. [Chervonov S.D. Dve neizvestnye redakcii kastil'sko-genuzskogo dogovora 1146 g. iz leningradskih sobranij // Srednie veka. 1983. Vyp. 46. P. 335–343]
- Червонов С.Д. Испанский средневековый город / Ред.-сост. О.В. Ауоров, Е.И. Щербакова. М.: б.и., 2005. 415 с. [Chervonov S.D. Ispanskij srednevekovyj gorod / Redaktery-sostaviteli O.V. Aurov, E.I. SHCHerbakova. Moscow: b.i., 2005. 415p.]
- Aso J.L., Manuel M. Instituciones del Derecho Civil de Castilla. Madrid: En la Imprenta de Francisco Xavier García, 1771. 439 p.
- Concilio Legionense en el año de MXX // España Sagrada. Teatro geográfico histórico de la Iglesia de España. T. 35: Memorias de la Iglesia de León (siglos XI – XIII)... Madrid: En la Oficina de Antonio Marín, 1786. P. 334–347.
- Concilium legionense Aera MLVIII (id est, anno Christi 1020) cebratum sub Alfonso V. Legionis Rege. Decreta Alfonsi Regis & Geloirae Reginae // España Sagrada. Teatro geográfico histórico de la Iglesia de España. T. 35: Memorias de la Iglesia de León (siglos XI–XIII)... Madrid: En la Oficina de Antonio Marín, 1786. P. 340–347.
- Concilium Legionense era MLVIII (anno Christi 1020) habitum sub Alphonso V. Legionis rege // Cortes de los antiguos reinos de León y de Castilla publicadas por la Real Academia de la historia. T. 1. Madrid: Imprenta y estereotipia de M. Rivaderneyra, 1861. P. 1–11.
- Concilium legionense. Era MLVIII kal. Augusti (Christi 1020). Decreta Alfonsi Regis et Geloirae Reginae // Muñoz y Romero T. (ed.). Colección de fueros municipales y cartas pueblas de los reinos de Castilla, León, Corona de Aragón y Navarra. T. 1. Madrid: Imprenta de Don José María Alonso, editor, 1847. P. 60–72.
- Constans (Martín Mínguez B.). El Concilio de León // Revista de ciencias jurídicas y sociales. 1920. Año 3. No. 10, 12. P. 165–199, 575–606.
- El Fuero de León / Ed. R. Pérez-Bustamante. León: S.A. Hullera Vasco-Leonesa, 1983. 144 p.
- Forum Legionense // Germanenrechte, Texte und Übersetzungen. Bd. 12: Altspanisch-Gotische Rechte / Hrsg. E. Wohlhaupter. Weimar: Verlag Hermann Böhlau, 1936. S. 2–20.
- García Gallo A. Aportación al estudio de los fueros // Anuario de Historia del Derecho Español. 1956. T. 26. P. 387–446.
- Mariana J. Historia general de España. T. 1. Madrid: Imprenta y librería de Gaspar y Roig, editores, 1855. 1796 p.
- Martínez Marina F. Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reinos de León y Castilla. Madrid: En la Imprenta de la hija de D. Joaquín Ibarra, 1808. 450 p.
- Mayer E. Historia de las instituciones sociales y políticas de España y Portugal durante los siglos V a XIV. Madrid: Publ. del Anuario de Historia del Derecho Español, 1925. 624 p.
- Memorialmaier // Historia animata. Памяти О.И. Варьяш. Ч. 3. М.: ИВИ РАН, 2004.
- Mittelmaier C.J.A. Grundsätze des gemeinen deutschen Privatrechts mit Einschluß des Handels-, Wechsel- und Seerechts. Regensburg: Manz Verlag, 1847. 880 S.
- Pescador C. La caballería popular en León y Castilla // Cuadernos de historia de España. 1961. No. 33–34. P. 101–238; Ibid. 1962. No. 35–36. P. 56–201; Ibid. 1963. No. 37–38. P. 88–198; Ibid. 1964. No. 39–40. P. 169–260.
- Powers J.F. The Creative Interaction between Portuguese and Leonese Municipal Military Law // Speculum. 1987. T. 62. P. 53–80.
- Sánchez Albornoz C. Un texto desconocido del Fuero de León // Revista de Filología Española. 1922. T. 9. P. 317–323.
- Sánchez Albornoz C. Un texto desconocido del Fuero de León // Sánchez Albornoz C. Investigaciones y documentos sobre las instituciones hispanas. Santiago de Chile: Editori-al Jurídica de Chile, 1970. P. 309–313.
- Sempere J. Historia del Derecho Español. T. 1. Madrid: En la Imprenta Nacional, 1822. 388 p.
- Vázquez de Parga L. El Fuero de León // Anuario de Historia del Derecho Español. 1944. T. 15. P. 468–469.

Ауров Олег Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); olegaurov1@yandex.ru

The Russian Translation of the Fuero of León in the Context of Medieval Studies in the USSR of the 1980s (To the millennium of the Fuero of Leon)

The article is devoted to the peculiarities of Russian translation of the Fuero of León (1017–1020), which is one of the most important Spanish medieval legal texts. This history was closely connected to social, political and cultural context of the medieval studies in the USSR of the 1980s. The author pays attention to the problems like the causes of the decision to translate this text into Russian, the selection of the textual base of the translation, the characteristics of the Russian text and of the commentary, added to it. The peculiarities of the Russian conceptual system are specially emphasized.

Keywords: Fuero of León, medieval Spain, the Reconquest, medieval studies in the USSR, Marxism, Alexander Korsunskij, Wladimir Piscorsky, Olga Variaš, Sergei Chervonov

Oleg Aurow, PhD (History), Assistant Professor, School of Advanced Studies in the Humanities; Russian Academy of National Economy and Public Administration; olegaurov1@yandex.ru